

18+

ЭЛИНА БАКМАН КОГДА УМИРАЕТ КОРОЛЬ

триллер

МИО

МИФ Проза

Элина Бакман

Когда умирает король

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2020

УДК 821.511.111-312.4

ББК 84(4Фин)6-49

Бакман Э.

Когда умирает король / Э. Бакман — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2020 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-169981-1

Однажды покой маленького городка Хартола пошатнулся: в реке нашли тело девушки со странной меткой. 30 лет спустя Саану уволили с работы журналистки-следователя, поэтому она решает провести лето со своей тетей в маленьком городке Хартола. Когда Саана начинает расследовать дело девушки, утонувшей 30 лет назад, она еще не знает, какую сеть всколыхнула. Тем временем в Хельсинки в морской крепости Суоменлинна найдено тело крайне влиятельного человека с огненными отметинами, а у следователя Яна Лейно и его команды в руках новое дело. Ян опасается, что убийство у Королевских ворот – только начало. Так и выходит: неизвестный преступник объявляет Хартолу королевством и начинает убивать ее «королей», оставляя на коже жертв выжженные метки. Саана и Ян продолжают расследования, пока их пути не пересекаются, а дела не сливаются в одну загадку. От автора Эта книга началась, когда я услышала одну захватывающую историю и решила съездить в Хартолу, чтобы как следует ее изучить. Королевская община Хартола и ее тягучая атмосфера тут же запустили мое воображение. Часть описанных в книге мест – реальные, остальные – художественный вымысел. Все события и люди выдуманы мной, и любые совпадения случайны. Для кого эта книга Для читателей остросюжетной скандинавской литературы: Лины Бенгтсдоттер, Сюзанны Янссон, Стефана Анхема, Камиллы Греббе, Арне Даль; триллеров, детективов и нуара. На русском языке публикуется впервые.

УДК 821.511.111-312.4

ББК 84(4Фин)6-49

ISBN 978-5-00-169981-1

© Бакман Э., 2020
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2020

Содержание

Речные девы	7
Сентябрь 1989, Хартола	8
Часть I	10
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Элина Бакман

Когда умирает король

Elina Backman
KUN KUNINGAS KUOLEE

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

В тексте неоднократно упоминаются названия социальных сетей, принадлежащих Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

© Elina Backman, 2020 Original edition published by Otava, 2020

Russian edition published by agreement with Elina Backman and Elina Ahlback Literary Agency, Helsinki, Finland

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

* * *

*Как прекрасна земля,
Как возвышенно небо.
На цветистом пригорочке –
Пение птиц.
Но темны эти воды,
Как темны эти воды...*

МУЗЫКА И СЛОВА: КАРИ РЮДМАН

*Я никогда не взберусь на те горы, я никогда не засну
безмятежно под теми же звездами, что и Тимоти,
В диких землях, вдали от одиночества.
Вокруг ног твоих увивались лисицы –
или с тобой до самого конца,
Вокруг ног твоих увивались лисицы –
или с тобой прямоком в твои сны,
И они или с тобой...
В дикие земли, прочь от одиночества...*

**BURNING HEARTS, «INTO THE WILDERNESS». СЛОВА: ДЖЕССИКА
НОЙМАН, МУЗЫКА: ГЕНРИ НОЙМАН**

*Куда сильнее нас ужасает безмолвный тролль,
нежели тот, который вопит и беснуется.*

АЛЕКСИС КИВИ, «КУЛЛЕРВО» (1859, 1864)

Речные девы

Они – Речные девы. Они крадутся к потоку в предрассветный час, под первые песни дроздов. Когда земля еще влажная, податливая и мягкая. Густая дымка поглаживает темные воды, напуская таинственности на все вокруг. По коже пробегает озноб. Они снимают одежды, добираются до середины реки и замирают, ожидая, когда вода впустит их. Сначала – вода, а после – туман. Мелкими глоточками пьют они зелье из своих туесков – всегда на одном и том же камне, всегда столько, сколько надобно. Затем преподносят дары речному порогу. Ненасытный, он хочет утащить на дно их души, их невинность, безмолвие, тайну. Жертва принята – они танцуют и ждут. Они внемлют нарастающему шуму и отдаются потоку, чувствуя на коже прохладные объятия тумана, впитывая красоту – немую и незримую, проникающую в каждую клеточку их тел. Река дает им напиться из потока, птицы чаруют созвучием своих голосов, воздух дышит благодатью, какой на суше нет и никогда не будет. Они очистились. Им легко, они смеются: у них есть тайна. Они все еще ждут, но напрасно. Надеются, ведь надежда напрасной не бывает. Они уходят вместе с ночью, когда в мгlistые сумерки едва прокрадывается ясное утро. До краев наполненные жизнью, они прощаются с потоком.

Они – Речные девы.

Сентябрь 1989, Хартола

Сегодня Харри Валкама пришел в магазин первым. Как и всегда, он взял с полки буханку ржаного хлеба, из молочного отдела вышел с литровым пакетом молока, из мясного – с двухсотграммовым куском ароматного карбонада. Все по старой схеме. Перекус для рыбалки, раннее утро и приятное предвкушение. Немного не дойдя до кассы, Харри пробежал глазами свежие заголовки газет, после чего принялся выкладывать покупки на ленту.

– За рыбкой собрались? – поинтересовалась кассирша.

– За ней, родимой, – ответил Харри и привычным жестом стрёб все в сумку-холодильник.

– Чек нужен?

– Только если милая барышня оставит на нем свой номер, – подмигнув, ответил Харри. Обмен шуточками с кассиршей стал своего рода традицией и задавал тон едва начавшемуся дню. В магазине Харри неожиданно для себя превращался в остряка-ловеласа.

На часах было 07:10, когда Харри Валкама завел свою легковушку и поехал напрямик к речке Тайнионвирте. Рассвет был ласковым и предвещал жаркий день. Харри Валкама оставил машину на обочине и побрел пешком в сторону русла реки. В одной руке перекус и складной стульчик, в другой – удочка и рыболовный ящик. Дойдя до места, он глубоко вдохнул. Разложил стульчик, поставил рядом сумку-холодильник и открыл ящик. Особо не раздумывая, он достал одну из своих любимых блесен, чтобы возложить на нее чересчур оптимистичные рыбацкие надежды. В полвосьмого наживка наконец плюхнулась в воду. Сентябрьское солнышко ярко поблескивало сквозь деревья. В рыболовном календаре этот день был помечен как «чрезвычайно благоприятный».

В воздухе пахло землей и прощанием с пышностью лета. Соловьи, посходившие с ума в июне, уже давно притихли, и, хотя день обещал быть по-летнему теплым, осенние нотки звучали все громче. Харри Валкама успел полюбить это утро и мысль о том, что природа будто дожидалась его, дабы вместе проснуться и шагнуть в новый день. Ему нравилось это святое уединение.

Вопреки всем прогнозам рыба клевать отказывалась. Харри принялся задумчиво рассматривать завихрения воды в речном пороге, как вдруг его взгляд наткнулся на нечто иное – кричаще выбивающееся из привычного пейзажа. Вдали, у самого берега, что-то бесформенное зацепилось за дрейфующее бревно и покачивалось на воде. Может, туша оленя или другого крупного животного? Любопытство Харри Валкамы росло тем быстрее, чем дальше он всматривался в поток. Он кое-как приставил удочку к березе и осторожно зашагал вдоль берега: хотел взглянуть поближе.

Подойдя, он остановился как вкопанный. Теперь стало понятно, что именно приковало его внимание. Онемев от ужаса, Харри Валкама всматривался в фигуру, приманившую его к себе. Белая кожа, черное платье – тонкое полотно пузырилось на воде. Человек. Когда в конце концов до мозга дошло все увиденное, Харри обессиленно плюхнулся на колени. Прямо перед ним в воде колыхалось навсегда скованное смертью тело. Оно зацепилось за древесное корневище, и потоку было не под силу отвоевать его и нести дальше. Вода тихонько убаюкивала покойницу. Совсем еще юную. Лежала она животом на воде, будто всматриваясь в глубинную темноту безжизненным взглядом. Хорошо, что Харри не видел лица. Невольно он подмечал мелкие детали: черный лак на ногтях, металлический пояс, черное платье, босые ноги. Волосы, будто илистая пленка.

Жизнь так несправедлива... Вот о чем с горечью подумал Харри Валкама. Он зажмурился, однако штрихи этой картины уже отпечатались на сетчатке. Бранные слова, с которыми Харри Валкама нещадно боролся несколько лет, теперь зло роились на его языке. Нечестно, неестественно для молодой жизни вот так обрываться! Проклятье! Посмотрите на это, вашу

мать! Оплачивая свое разрешение на рыбалку, он и подумать не мог, что выудит из потока чей-то труп. И тут на Харри накатило ощущение, будто природа предала его. События постепенно доходили до сознания. В красоте зарождающейся осени он вдруг отчетливо разглядел фальшь, дешевое надувательство. Его насильно погрузили в это гадкое представление – в спектакль, декорации которого в одно мгновение обвалились, демонстрируя равнодушие смерти, обнажая зло. Харри Валкама неуклюже поднялся с земли и, пыхтя и спотыкаясь, помчался к своей легковушке. Нужно было добраться до телефона. Немедленно.

Часть I

12 ИЮНЯ 2019, СРЕДА, ХЕЛЬСИНКИ

Саана открывает глаза – все вокруг плывет и кружится. Она быстро закрывает глаза и тут же проваливается в жиденькую, неубедительную дремоту. Через два часа Саана – вся в поту – внезапно пробуждается. Уже пол-одиннадцатого. Она моментально подскакивает, выпивает стакан апельсинового сока и даже успевает сходить в туалет, а потом дает слабину и решает еще ненадолго прилечь. Окончательно она просыпается к трем часам дня. Комната уже почти на месте. В животе урчит от голода. Последний раз Саана ела тринадцать часов назад – поклевывала соленые орешки в баре.

Теперь Саану совершенно не волнует время. Никто ее нигде не ждет, никому она ни для чего не нужна. А вот голод волнует нешуточно. Поэтому лодырничать по-взрослому Саана официально начинает с заказа пиццы через «Вольт».

Пицца уже на месте, и Саана, мучительно переживая свою убогость и потрепанный видок, открывает дверь темнокожему курьеру. Ей спешно вручают полуторалитровую бутылку колы и тепленькую пиццу.

Оставшуюся часть дня взгляд Сааны курсирует между едой и экраном ноутбука. Наконец она добралась до всех шоу и спасительной «Маргариты». Пошел третий эпизод второго сезона «Убийства»¹ – великолепного, захватывающего сериала, хотя и несколько гнетущего. Второй сезон Саана смотрит залпом. Как же здорово наткнуться на нечто подобное именно сейчас. Впереди – целая половина невероятной детективной истории. Линден и Холдер. Бесформенные шерстяные свитера Линден, ее острый ум и ненастный Сиэтл. Саане всегда нравились сериалы про полицейских, хотя они ее и пугали. От них слишком разыгрывается воображение. Еще она подсела на подкасты жанра тру-крайм², хотя они порой вызывают чувство беспокойства. Поэтому в мире историй про убийц у нее своя тихая гавань, своеобразный оплот спокойствия – расследования Эркюля Пуаро. Вот что по-настоящему захватывает внимание, вовлекая в свой уникальный мир. Всегда приятно окунуться в атмосферу старой Англии и наблюдать за тем, как праздные аристократы устраивают званые ужины, отдыхают в отелях, охотятся, прогуливаются по своим поместьям и садам. Конечно, порой сериал про Пуаро неоправданно оптимистичен. Убийства происходят тут и там, но Пуаро под силу раскрыть их все. Зрителю остается лишь любоваться английскими пейзажами и чужой шикарной жизнью да по мере сил стараться не упустить из виду намеки на то, кто может быть виновен. К сожалению, Саана уже наизусть выучила всего Пуаро, и теперь она либо просто помнит ответ, либо сразу догадывается, что к чему. С «Убийством» совсем не так. Это нечто иное, новый уровень.

Саане нужно в туалет, и сериал приходится поставить на паузу. По пути она кидает быстрый взгляд на полоску улицы, промелькнувшую из-за занавесок в гостиной. Похоже, денек сегодня восхитительный. Березы за окном так и манят своей сочной зеленью. Саану соблазняет очередное живописное лето. Всю весну она не вылезала из редакции, в спешке клепая статьи для развлекательного портала. За эти годы она успела написать почти обо всем: от вируса Зика и смерти Дэвида Боуи до дешевых сплетен и всякой мелкой чуши.

Пять чудо-упражнений – будь в форме к лету, еще успеешь.

¹ «Убийство» (The Killing) – американский детективный телесериал, основой которому послужил датский сериал «Убийство» (Forbrydelsen). Выходил с 2011 по 2014 г. Главные герои – детективы Сара Линден и Стивен Холдер.

² Тру-крайм (от англ. true crime – настоящее преступление) – жанр, в центре которого стоят истории про знаменитые преступления и преступников. Существуют тру-крайм-подкасты, блоги, сайты, паблики и т. д.

Неограниченные алмазы: 10 недооцененных мест для путешествий по Европе.

Журналистка ежедневно стояла в планке 3 минуты на протяжении недели – кликай, чтобы увидеть потрясающий результат!

Кишечник – второй мозг: 5 фактов о работе твоего ЖКТ.

Облегчи себе жизнь и порадуй домашних: быстрые блюда за 15 минут – рецепты на неделю.

Последнее, кстати, было занимательно. Саана всю весну составляла эти рецепты, но после сдачи материала благополучно о них забыла. Ежедневные планки в расписании тоже надолго не задержались. Из-за работы на все это просто не было времени. По большому счету всю весну она занималась только работой. Она считала количество слов и знаков, нервничала из-за сроков, засиживалась в редакции допоздна – буквально жила за компьютером. После работы ее хватало лишь на просмотр пары-тройки эпизодов на Netflix или HBO Nordic. Мелкие домашние дела вроде оплаты счетов, уборки и готовки казались неподъемными. Серые комья пыли до сих пор меланхолично перекачиваются по дощатому полу, а почтовый ящик пухнет от неоплаченных квитанций. «Это вообще нормально?» – думает Саана, отправляя в рот очередной кусочек пиццы. Все ее знакомые ответили бы утвердительно – еще бы, ведь и они в жизни видели только бесконечную деловую беготню. Но куда все бегут и для чего? Кажется, будто друзья даже гордятся своими плотными графиками, лелеют их. Люди как-то умудряются сначала пахать в офисе, а потом еще идти в тренажерный зал. И никто не ноет и не жалуется на загруженность. Иногда по вечерам, когда свет в редакции был почти везде погашен, Саана украдкой искала в Google симптомы профессионального выгорания – и не было таких, которые не подходили бы ей. «Сильная усталость, циничность, снижение профессиональной самооценки». Всю весну она провела в обнимку с монитором, потому и не заметила, как природа постепенно оттаивала, позволяя лету повсюду хозяйничать. Сперва из-под снега робко показались песчаные островки, появились одинокие перелетные птички и ранние крокусы. А потом вдруг – раз! – и лето. Пышные березы, звенящие соловьиные трели и люди, разгуливающие в футболках. И свет.

Выйдя из туалета, Саана возвращается к окну. Какой сегодня день? Среда. Да, вчера она здорово набралась на прощальной вечеринке; людей могло быть и побольше, а вот выпивки – поменьше.

Комнату оглушает пение дрозда, устроившегося поблизости на одном из деревьев. Саане приходится закрыть окно, чтобы заразительное птичье жизнелюбие не нарушило ее затхлую похмельную хандру. «Убийство», суровый Сиэтл, пицца, усталость и тошнота. Ее зона комфорта. Вообще, смотреть в таком состоянии сериал про маньяков и трупы не то чтобы блестящая идея. Но достойной альтернативы нет. Саана влюбилась в «Убийство», ей с ним по-своему уютно. Ложится смотреть – и вот она уже не одна. Сюжетные повороты не оставляют в голове места для зудящих, беспокойных мыслей, гасят все тревоги.

Саана берет еще кусочек. Последний. Наверное, она съела уже 1500 калорий. От жирной пиццы хочется пить, зато комната перестала наконец вальсировать. Лежа на диване с набитым животом, Саана понимает, что не так уж все и плохо. Конечно, весенний рабочий срыв аукнулся в итоге увольнением, но жизнь по-прежнему неплохая штука. Все как-нибудь образуется.

Саана окидывает взглядом собранные в прихожей сумки и решает срастись с диваном до конца дня. Завтра она уедет из города на все лето. Больше – никакого похмелья! Только спорт и медитация, прогулки на свежем воздухе и зеленые смузи – ну или что там еще входит в ежедневную программу порядочных людей. Но сегодня – это сегодня. Удобно примостившись под флисовым пледом, случайно прихваченным из бара, она позволяет Netflix запустить очередную серию шоу. А завтра начнется новая серия ее собственной жизни.

Даже утром следующего дня похмелье продолжает ненавязчиво напоминать о себе: руки предательски подрагивают, а от пиццы, съеденной в один присест, накатывает изжога. Обычно людей полностью отпускает через день-два. День первый: отсыпаться, выводить из организма алкоголь и вводить фастфуд и конфетки. День второй: выводить из организма избыток жира, соли и сахара, любоваться своим опухшим видом и немножко страдать. Раскаиваться. Мстить здоровому режиму дня затяжным похмельным сном. Встретиться с «белочкой». Под конец – праведно гневаться и клясться больше до такого мракобесия не напиваться. И наконец, день третий: понять и простить. Дать себе новые обещания для новой жизни и смиренно выздоравливать. Веселить мироздание заблуждениями типа «отныне ни капли в рот не возьму». День седьмой: жажда.

Саана стоит посреди кухни с чашечкой кофе в руках и поглядывает на улицу. Сегодня ей уже по силам выносить и солнечный свет, и пение птиц. Саана включает покоящийся на столе айпад, гуглит Хартолу и переходит на страницу ее общины. «Хартола – единственная королевская община Финляндии» – гласит заголовок. Саану тянет посмеяться, но тут, похоже, все на полном серьезе. Хартола величает себя именно так, и на «Ютьюбе» быстро находится рекламный ролик «Королевская община Хартола». Саана нажимает «Смотреть». Суховатое видео, выдержанное в рекламно-познавательном стиле, повествует о том, почему Хартола – отличное место для жизни. Вот перед нами счастливая дама: она только-только переехала в Хартолу и рассказывает, как поначалу боялась, что не найдет в местных магазинах козий сыр. Стало быть, нашла? Об этом видео умалчивает. Саана не отрицает, что и сама нет-нет да и поинтересовалась бы, привозят ли туда летом руку или сыр «Пекорино». Свое расследование Саана подытоживает изучением гугл-карт – считает расстояние. Кратчайший путь из района Валлила до Хартолы – 179 километров. Вот настолько далеко умчится она от своей постылой обыденности. Вот где сможет укрыться и от шальной весны, и от эмоционального выгорания, и от вечной неопределенности. Просто нужно попытаться не думать об осени. Она катапультируется из этого болота на 179 километров, чтобы на время зависнуть в своеобразном лимбе. Позорное увольнение приведет ее туда, где всегда было так отратно и безмятежно.

Саана выключает айпад и кладет его в спинной кармашек рюкзака. Первые жесты свободной жизни. Она гасит везде свет, проверяет, выдернула ли из розетки шнур кофеварки, перекрыла ли везде воду, позакрывала ли окна, освободила ли холодильник... Все, жилище готово к ее двухмесячному отсутствию. Комнатные растения и так уже давно загнулись, мучимые вечной жаждой. Саане даже не на кого перевести стрелки, она живет одна. Саана выпинывает две большущие сумки в общий коридор и запирает дверь. Этаж пропитан запахами чужих жизней. Прямо сейчас, например, кто-то жарит на обед мясные котлеты. Саана запикивает свои громоздкие сумки в крошечный лифт и нетерпеливо наблюдает за сменой этажей. Оказавшись внизу, кабинка мягко пружинит, и Саана привычным жестом дергает за жесткую ручку скрипучей решетчатой двери лифта. На часах всего двадцать минут двенадцатого. Она еще успевает на полуденный автобус.

Низкий флегматичный голос водителя приветствует пассажиров, решивших сегодня отправиться в Ювяскюля через Лахти и Хейнолу. Саана с детства обожает ездить на автобусе. Да и за рулем кто-то другой – великолепно! Можно спокойно вздремнуть, почитать, наслаждаться пролетающими мимо пейзажами, привести в порядок мысли. До скорого, Хельсинки! Скучать не буду.

Подъезжая к Лахти, Саана достает из сумки записную книжечку и принимается составлять чек-лист.

Лето в Хартоле, ключевые моменты:

- Наслаждаться жизнью.
- Поддерживать душевное равновесие.

- Никаких сигарет (можно затянуться пару раз, если располагает ситуация, т. е. рядом вино или пиво).
- Никакого пивка (бессмысленное пойло, от него растет живот).
- Перестать грызть ногти.
- Ездить на велосипеде и бегать по утрам.
- Нанизывать землянику и чернику на травинки (хотя бы разок).
- Радоваться мелочам (как обычно бывает только за границей).
- Заново обрести юношеский задор (я и сама еще офигеть как молода, но тут речь об уровне задора двадцатилеток).
- Нежиться на садовых качелях, дремать на свежем воздухе.
- Почитывать прессу и детективы.
- Никакого стресса: отдых и покой.
- Делать духи по рецепту из детства (цветки сирени или лепестки роз; стеклянная баночка).
- Слушать старые хиты.
- Писать.

Последний пункт – средоточие всех ее грез. Саане хотелось бы написать что-то свое, крутой детектив например. В то время как окружающие стыдливо смакуют «Сэйска»³, ее тайный грех – «Алиби»⁴.

Когда автобус отъехал от автовокзала Хейнолы, Саана еще раз пробежалась по списку. В нем нет «влюбиться» или «парни». «Лето без мужчин» – вот что по-настоящему умиротворяет, přátельски помахивает издали. Саана вспомнила, что пару лет назад читала одноименный роман Сири Хустведт⁵.

Автобус со спокойным шипением тормозит на станции. Хартольский автовокзал – небольшой домишко, примостившийся в стороне от дороги. Саана выходит и наблюдает за тем, как дверки багажника повинуются водительским рукам. Улыбаясь, она благодарит за поездку, забирает сумки и начинает озиаться в поисках знакомого лица. Женщина в летнем платье и белом кардигане, заботливо подметающем землю, воодушевленно машет Саане, стоя у стены. Ее тетя, Инкери. Лучшая женщина на свете. Саана машет в ответ.

– Вся в мать, – смеется тетя, окидывая взглядом внушительный Саанин багаж. – Куда бы ни поехала – полдома прихватит с собой.

Внезапно на Саану накатывает щемящая тоска – но сразу отступает. Неужели они с мамой и правда в чем-то настолько похожи? Как ценно носить в себе хотя бы частицу того, с кем уже никогда не свидеться. Тетя энергично закидывает сумки на заднее сиденье старенького «жука» и указывает Саане на переднее пассажирское место. Саана не успевает даже заикнуться о том, что где-то в вещах сейчас борются за жизнь ноутбук, айпад и другие хрупкие ребята. А может, и к лучшему, если все сломается. В таком случае тотальный дзен обеспечен.

Шины «жука» похрустывают, оставляя следы на песчаной дороге, и Хельсинки кажется бесконечно далеким. То и дело мелькают знакомые с детства домики и межи полей. Саана открывает окошко и высовывается наружу. В лицо тут же ударяет пыльный ветер. Воздух дышит летом и удобрениями. Дорожные камешки с треском колошматят по автомобильному дну, а совсем мелюзга отскакивает от колес к обочине. Саана ныряет обратно в салон. И по прибытии лето у тети кажется такой же прекрасной идеей, какой казалось дома, если не лучше.

³ «Сэйска» (Seiska) – финский развлекательный журнал о звездах. Издается еженедельно с 1992 г. и является ярким примером финской желтой прессы.

⁴ «Алиби» (Alibi) – финский журнал, статьи в котором посвящены преступлениям: самим преступникам, их жертвам, причинам, следствиям и ходу расследования. Издается ежемесячно с 1979 г.

⁵ Речь о книге *The Summer Without Men* американской писательницы, эссеистки и поэтессы Сири Хустведт.

Холодное белое вино на ступеньках амбара, выдавшие виды женские журналы, болтовня с тетушкой о всякой чепухе и отменные харчи. Уже в машине будто разливается манящий аромат дыма из затопленной деревянной сауны. Уезжать из дома оказалось удивительно легко. В Хартоле безработица заботливо приобретет очертания летних каникул, освобождения. У Инкери не нужно будет заниматься всей этой активностью для галочки: проверять платяной шкаф и собирать вещи для «кирпписа»⁶, наводить порядок в подвале, проводить ревизию полочки со специями, искать работу и социально заискивать, полировать дверные ручки или выбивать подушки с покрывалами. В Хартоле Саана просто отдохнет. Крепким сном она прогонит нервозность и все горящие дедлайны, которыми ее пичкали весной с утра до вечера. И потом потихоньку заново себя отстроит.

26 ИЮНЯ, СРЕДА, ХЕЛЬСИНКИ

Йенна шагает по Нейтсютполку и посматривает в телефон. Она не уверена в своем решении. Собиралась на тренировку, а в итоге идет на вечеринку, прямо с работы. Смотрит на время – всего-то без пятнадцати четыре.

Йенна огибает череду изящных каменных домов, вдалеке уже мелькает море. «Поторапливайся, остальные на подходе», – только и сказал Элиас. И Йенна решила пойти. Вскоре до Йенны начинает доноситься приглушенный смех. А вот и его источник: на террасе ресторана «Маттолайтури» греются акционеры фирмы. Единственный знакомый человек из всей этой компании – карьерист Элиас, смысл жизни которого – войти в состав акционеров и сойти за своего. За пару метров от столика Йенна останавливается: натягивает на лицо лучезарную улыбку. С приходом Йенны мужчины даже не удосуживаются прервать беседу. Как-то реагирует разве что Ларс: он поворачивается и окидывает ее внимательным, оценивающим взглядом. Под такими рентгеновскими лучами и топ кажется пошловатым, и юбка – короткой, однако Йенна все же довольна тем, что успела переодеться во что-то менее будничное. Гендиректор не должен жаловаться на ее внешний вид. Летним утром никогда не знаешь, где окажешься вечером, поэтому Йенна берет с собой на работу и костюм для фитнеса, и топ на случай вечеринки – мало ли.

– О, не торопитесь, девушка подождет, – лебезит Элиас и придвигает Йенне стул от соседнего столика. Йенна наблюдает за тем, как гендиректор опустошает свой бокал.

– Хорошо, но мало! – смеется Ларс и снова всем наливает.

– Ну и?.. – спрашивает Элиас и садится. Он и Йенну тянет вниз, мол, присядь. Йенна не знает, как быть. За столом одни мужчины. С другой стороны, Элиас заверил, что никаких «левых» тут нет – все «свои». Только Йенна и они.

– Чего тянем-то? – весело грохочет Ларс.

Элиас с готовностью кидает на стол спичечный коробок. «“Фаер” – идеи, которые воспламеняют» – читается на упаковке. Йенна цедит шампанское и украдкой следит за Ларсом – тот изучает содержимое коробка. Кокс. Ну конечно. И снова спички оказываются на мусорке, а их место занимает белый порошок. Ларс поднимает бокал и торжественно кивает. Элиас едва заметно кланяется в ответ, как принято в подобных ситуациях. Работу сдал – работу принял. Йенна мостится на стуле, ерзает. Ей не по себе. Где остальные-то?

Парой предложений мужчины закрывают обсуждение прогноза продаж за второй квартал и переходят к делам куда более насущным. Они бы не отказались поужинать в одном местечке на острове Клиппан. Восхитительная морская панорама в сочетании с пошлыми анекдотами о героических корпоративных возлияниях. После трех бутылок шампанского и пары литров

⁶ «Кирппис» (Kirppis, Kirpputori) – общее название для финских комиссионных магазинов.

пива мужчины уже практически орут. Порывистый морской ветер оказывает всем услугу и уносит с собой беспощадные пьяные децибелы.

Йенна осматривается. Ласковое вечернее солнышко повыманивало народ на улицу, берег оккупирован трезвыми собачниками и их любимцами. Йенна снова переводит взгляд на столик. Она едва сдерживает смех. Физиономия Ларса натужно побагровела. Ларс Сундин – мужчина уже далеко не средних лет, загаром и прической напоминает престарелого серфера. Первый бокал Йенны стремительно пустеет. Мало-помалу за столиками по соседству становится поживее, но до этого состояния им еще пить и пить.

Возведенный на морском берегу «Маттолайтури» знаменит своими видами. Активные собачники и бегуны района Эйра краем глаза поглядывают на тех, кто сегодня расслабляется на террасе ресторана. Вдруг знакомые? Мужчины то и дело приветственно машут кому-то. Йенна чувствует себя в кругу VIP-персон. Тут и там раздаются дружеские похлопывания по плечам – буднично так, привычно. Мужчины в курсе, что их столик всегда в центре внимания. Хотя мало ли чем можно отличиться. Мимо фонтанирующей жизнью террасы тихонько проплывают несколько спортивных яхт. Йенна разглядывает их. Вот-вот начнется золотой сезон для парусного спорта. Живя в родительском доме, Йенна много времени проводила на воде с мамой и папой. Несколько мгновений Йенна тоскует по морю, объятая болезненной ностальгией.

За соседним столиком позвякивают бокалами три элегантные женщины. Одну из них Йенна тут же узнает. Известная блогерша. На секунду Йенна воображает, каково это – быть такой же беззаботной. Красивой и популярной. Ларс отходит в сторонку покурить. Наверное, ему тоже прекрасно живется. Мало кто из круга Йенны может получить все, что пожелает, по щелчку пальцев. Она припоминает имена. Кто встречался с Ларсом в последнее время? Среди этих женщин есть и довольно толковые. Ларс не очаровывает своим внешним видом – может, он гипнотизирует речами? Ну, деньгами-то точно гипнотизирует. Йенна позволяет Элиасу наполнить бокал и наблюдает за Ларсом, замороженным морской гладью. Совсем ненадолго он преображается в ее глазах, становится уязвимее, будто уменьшается, обнажая себя настоящего. Ведь и он тоже когда-то был обычным пацаном, думает Йенна и, довольная, отпивает немного шампанского.

– Выдвигаемся, – заявляет Ларс по возвращении. Все замолкают. Очевидно, никто никогда ему не перечит. Веселье расписано поминутно: аперитив в «Маттолайтури», застолье на Клиппане и в качестве продолжения банкета – частная вечеринка в ресторане «Театтери». Говорят, у Ларса длинный список приглашенных, так что Йенна тоже пройдет – если верить Элиасу.

В шесть мужчины вразвалочку выходят на лодочный причал. Йенна семенит за ними на высоких каблуках. Алкоголь уже ударил в голову. Настрой у нее воинственный, хотя в теле ощущается непривычная слабость. Только что отплыл круизник «Силья». Массивное белое пятно словно испарилось. Ларс сигнализирует о том, что нужна лодка. На островном причале сигнал замечают, и лодочник оживает, всеми действиями демонстрируя скорейшее отплытие. Мужчины стоят и ждут. Йенне хочется закурить. В этот самый момент звонит телефон Элиаса.

– Все, мы уже на месте, – отрезает Элиас и обрывает разговор. Лишь спустя пять минут прибывает такси, и в компании происходит пополнение – две девушки. Рыженькая и брюнетка. Элиас по-рыцарски приветствует дам, после чего представляет их Ларсу. Тот заключает обеих в долгие объятия и предлагает отхлебнуть из фляжки, выловленной во внутреннем кармане пиджака. Девушки вскидывают брови, однако тут же присасываются к плоской бутылочке. На секунду замолкают даже акционеры. Они жадно наблюдают за тем, как две миниатюрные девушки, морщась и хихикая, хлещут крепкое пойло прямо из горла. Столь неожиданная картина озадачивает Йенну, однако ей хватает ума оставить при себе первые пришедшие в голову комментарии. Девушки, конечно, хрупкие, но явно не школьницы.

Ларс галантно предлагает дамам первыми войти в лодку. Йенна с подозрением разглядывает новоприбывших. Эффектные, покрашенные по полной. В воздухе разливается неуверенное хихиканье, когда девушки, одна за другой, нерешительно ступают в лодку. Шпильки и мини-юбки процесс не упрощают. Йенна ковыляет следом, она и сама еле-еле балансирует на каблуках, опираясь на протянутую Ларсову руку. Ларс приглашает дам сесть подле него и вежливо интересуется их несущественными делами. Йенна тоже садится и замечает голод во взглядах мужчин. В таких обстоятельствах сложно не задуматься о своей роли во всем этом. Зачем она тут? Она ведь просто работает в агентстве, так? Йенна вопросительно смотрит на Элиаса: *Какого хрена?* Элиас почти зло отмахивается от нее: *Не расспрашивай.*

Поднявшись по ступенькам в ресторан, Йенна оглядывает великолепный панорамный вид и живописное небо. Хельсинки. Когда остальные уже зашли, Йенна замечает, что Элиас и Ларс остались вместе снаружи. Они стоят спиной к деревянной вилле. Йенна приоткрывает дверь и выходит на лестницу послушать.

– С нами стажерка. На черта ты ее притащил? – спрашивает Ларс и требовательно смотрит на Элиаса.

– Возникла неувязочка, одна из девушек отказалась, – мямлит Элиас. – Но и эта сойдет. Договаривались о трех – будет три, ты меня знаешь, – говорит Элиас, и Йенна улавливает нотки неуверенности в его голосе. Ларса такой ответ устраивает, он сдержанно кивает. Йенна спешно ныряет обратно в зал. Получается, она тут на правах какой-то третьей девицы из эскорта? Плохо дело. С другой стороны, до этого момента она отлично развлекалась. Если что, за себя постоять сумеет.

Спустя три часа Йенна и Ларс мило беседуют за столиком о текущих заказах. О том, что в итоге наибольшую опасность для скрупулезно составленного плана представляют сами клиенты. Сейчас ведь такие проблемы с нормальной рекламой. Заказывают что-то яркое и остроумное, чтобы все влюбились в эти свежие идеи, а в итоге сами же шлифуют и редактируют, создают очередного середнячка, который быстро теряется в рекламной массе таких же.

– За середнячков никто премий не получает. А премии всем подавай. И менеджерам по продажам, и агентствам, – говорит Ларс, и Йенна замечает, как его взгляд то и дело оказывается где-то в районе ее многообещающего выреза.

– Тут ты не прав, – едко говорит Йенна, глядя на Ларса с вызовом. – Клиентам подавай предсказуемый результат. Нельзя просто забросать их сырыми идеями, вывалить все на стол. Гарантии нужны, – повторяет Йенна и ловит себя на том, что не прочь бы чем-нибудь взбодриться. Вдохнуть.

– Предлагаю свернуть уже этот треп и повеселиться, – заявляет Ларс, словно прочтя мысли Йенны. Она следит за размеренными движениями Ларса, увлеченно составляющего дорожки из белой пудры прямо на ресторанном столе. Перехватив настороженный взгляд Йенны, Ларс начинает хохотать. – Да спокойно. Тут, кроме нас, никого нет.

Йенна вскидывает брови и наклоняется к столу. Поднявшись, она немного откидывается назад, чтобы ничто не мешало расслабляться, и чувствует на своем теле взгляд Ларса.

– Ты выглядишь немного старше своих лет, – говорит Ларс, и Йенна ухмыляется. Может, и старше. По крайней мере, она более последовательна в своих действиях, чем остальные девушки.

– Глянь на этих, – Ларс кивает в сторону, указывая на Элиаса и рыженькую, вновь появившихся на пороге. – Если ты внимательная, то видишь, что рубашка Элиаса больше не заправлена в брюки и пробор не на той стороне. – Ларс разочарованно потряхивает головой. – Выдержка. Где его чертова выдержка. Эти салаги, воспитанные «Тиндером», просто не приучены уважать старый добрый флирт, долгую осаду. Изящество охоты.

Йенна снова ухмыляется. Сегодня она решила охотиться исключительно на белые дорожки. А потом она исчезнет.

В полночь все возвращаются на материк. Черное такси уже ожидает на парковке у причала. Ларс пошатывается, стоя на месте, и пристально вглядывается в водную гладь. Морской ветер хлещет Йенну по щекам ее же волосами.

Через полчаса пьяная и жаждущая продолжения компания оказывается в «Театтери». Одетый в черное качок скупно кивает Ларсу и убирает веревку, преграждающую путь к проходу для ВИП-гостей.

– Добро пожаловать.

Ларс кивает в ответ, опускает в руку мужчины гладенькую оранжевую купюру и приглашает остальных пройти на уютную террасу с несколькими столиками. Не говоря ни слова, Ларс оставляет народ разбираться с местами, а сам отправляется к барной стойке. Когда он возвращается обратно с подносом, уставленным стопками с клюквенной водкой и парой каких-то бутылок, Йенна понимает, что ей нравится все происходящее. Да и Ларс уже не кажется таким опасным.

– Это что, настоящее шампанское? Не шампусик? – Йенна прилипает к бутылке и пьяно изучает этикетку. Ларс кивает, вызывая тем самым волну одобрительного гула. Никто и никогда не видел, чтобы Ларс Сундин покупал в «Театтери» что-то кроме шампанского из провинции Шампань.

27 ИЮНЯ, ЧЕТВЕРГ, ХЕЛЬСИНКИ

Йенна лежит на животе, еле разлепив глаза. Окружающее пространство не вызывает никаких ассоциаций. Она вообще где? Стараясь не шуметь и не двигаться, Йенна окидывает помещение внимательным взглядом. Просторная, светлая комната, темный паркет. Лежит она низко – возможно, это футон. Дерзкие солнечные лучи освещают часть пола и белесых стен. Со стороны Йенны роскошный вид на ясное голубое небо, проглядывающее сквозь длинный оконный ряд. Занавесок нигде нет. Лежащую на полу стопку журналов по интерьеру венчает лампа дневного света. На ней поблескивают красные цифры: 04:39. То есть сейчас раннее утро, а Йенна осталась у кого-то на ночь. Вдруг где-то совсем рядом тихонько щелкает вспышка. Йенна на секунду замирает – и с ужасом осознает: она голая. Пытается взглядом найти одеяло. Дурацкое положение. Глаза слезятся. Где именно щелкнуло? Снова она перебрала с выпивкой и наркотиками, потеряла бдительность, возомнила себя неуязвимой. Зато сейчас защитить ее некому. И сколько она уже вот так лежит? Йенна поглаживает свой плоский и пустой живот и отваживается наконец краем глаза посмотреть в другую сторону. Кто же рядом?

Вот дерьмо. Гендиректор. Йенна натягивает одеяло до ушей и зажимается. Она понятия не имеет о том, что делала последние несколько часов. Вернее, что они делали – или не делали. Из памяти стерся даже путь до квартиры Ларса Сундина. На такси приехали, наверное? Йенна не помнит когда. И она до сих пор пьяна. Почему-то в голове мелькает образ лодки. Недавние события будто подернуты пеленой. Элиас со своими просьбами. «Театтери». Белые дорожки, шампанское. Вот какая-то женщина, работница бара, подходит и дружелюбно предлагает присоединиться к компании помоложе. А вот Йенна, облагевшая от наркотиков, посылает ее подальше в стиле Бейонсе: *Mind your own business*⁷. Если кого и винить в этой ситуации, то только себя.

Йенна чувствует, как встает гендиректор. Она искоса поглядывает, ожидая, когда его спина окажется в другой комнате: тогда она сядет. Ну и что теперь, думает Йенна, поднимаясь

⁷ Не лезь не в свое дело! (англ.).

и кутаясь в одеяло. Сейчас слишком рано, в пять утра попробуй доберись до дома. Да и в туалет бы сначала. Йенна крадется к выходу и мысленно обругивает себя. Ларс Сундин. С такими стариками трахаться еще не приходилось. Гендиректор «Фаер», высокомерный богач. Всякий раз Йенна постреливала в Ларса глазами, когда тому случалось проходить мимо ее временного рабочего места. Но это же так, из вежливости. И вот в пятницу вечером ни с того ни с сего звонит Элиас, мол, как насчет шампанского, – конечно, она согласилась. Никогда не знаешь, с какими полезными людьми посчастливится познакомиться, нужно думать на перспективу. В итоге она переспала со своим боссом и понятия не имеет, чем еще они тут занимались. Как это все убого и нелепо.

Туалет обнаруживается за третьей дверью. Йенна наконец облегчается и вытирает руки огромным барским полотенцем. Как в пятизвездочном отеле. Полотенце едва отдает мужским парфюмом. Йенна приводит в порядок слипшиеся от лака волосы, забирает их в пучок. Смотрит на себя в туалетное зеркало. Видок еще тот, но в полевых условиях, без косметики и геля для умывания, придется оставить все как есть. Вдоволь собою налюбовавшись, Йенна открывает зеркальный шкафчик и разглядывает его содержимое. Пара баночек с лекарствами, мужской аромат от «Армани» и дезодоранты. На раковине с краю грустит одинокая электрическая зубная щетка «Браун». Никаких сменных лезвий, ватных тампонов, косметических штучек – ничего лишнего. Сантехника сияет чистотой. Уборщица, не иначе. Получается, в этой огромной квартире живет лишь он сам. Ни жены. Ни девушки. Хотя поговаривают о целой армии сменяющих друг друга пассий. Перед тем как выйти, Йенна приглядывается к этикеткам на баночках с лекарствами. Какие же недуги одолевают нашего Повелителя Мира? Так... ничем заразным он не болен, СПИДа тоже нет. В первой баночке снотворное, во второй – что-то от мигрени. А вот полупустой блистер с таблетками – не что иное, как «Виагра», давний друг мужской потенции. Йенну сейчас стошнит. Похоже, Ларс еще старше, чем выглядит. Йенна закрывает шкафчик и пялится в пустоту. Прошлый вечер продолжает лепить из нее зомби. Вот уже и похмелье напоминает о себе, даря первые рвотные позывы. Йенна понимает: с этим надо что-то делать.

Выйдя из туалета, Йенна слышит приглушенную речь откуда-то из глубины квартиры. Ее будто выдергивает из паралича – начинается паника. Черт. Сейчас несусветная рань, она до сих пор у Ларса и даже представить не может, как начнет разговор с ним, когда радостная встреча все-таки случится. Да блин, с кем он там говорит? Звук идет откуда-то издалека, из другого конца квартиры.

– Чего ты хочешь? – глухо звучит голос Ларса.

Знакомым путем Йенна добирается обратно до постели. Отчаянно вцепившись в одеяло, она рассматривает кучку своей одежды на полу. Черный коктейльный топ и юбка с блестками выглядят такими дешевенькими и жалкими, особенно на фоне прекрасного утра и предстоящей поездки домой. На панорамных окнах Ларса нет занавесок – Йенне кажется, будто она в аквариуме. Настырный июньский свет вторгается в комнату. Йенна подходит к окну и на секунду замирает, окутанная спокойствием пейзажа. Вдалеке между домами поблескивает море.

Тихая речь внезапно смолкает. По телефону говорил, наверное. Йенна мнется у окна, собираясь с силами для встречи с Ларсом. Неподалеку стоят парочка домов и раскидистое дерево. Из кучки одежды Йенна выуживает сумку с телефоном и возвращается к окну – сделать говноселфи. Себе в назидание: чтобы вот так – больше никогда. Сейчас не лучший момент для кривляний на камеру. Это фото уж точно не попадет в соцсети. Она снова смотрит на двор. У дерева заметно какое-то движение. Будто темный силуэт глазеет на дом, опершись на ствол. Йенна прищуривается, чтобы навести фокус. Утренний свет бьет прямо в зрачки. Склеившиеся реснички затуманивают всю картину, да и пышные нижние ветви не помогают. Силуэт снова

оживает. Йенна вздрагивает. Ей не привиделось, внизу точно кто-то стоит. Йенна отскакивает от окна. Вообще говоря, она еще не одета. Вот бы этот гуляка ничего не заметил.

Йенна натягивает одежду, как вдруг ей становится дурно. Нужно срочно присесть. Йенна опускается на футон. В голову врывается флешбэк: две белые дорожки и глубокий поцелуй. *Такая молоденькая, а соображаешь хорошо.* Сейчас, когда вокруг светло и свежо, ухаживания Ларса кажутся совсем заезженными и просчитанными. Комната вокруг Йенны начинает кружиться, дурнота вынуждает ее прилечь. Где-то раздается тяжелый щелчок. Это захлопнулась дверь? Йенна не в силах ни на что реагировать. Похмельное сердце выстукивает лихорадочную дробь. Она даже пошевелиться не может. Смотрит на время. Работник из нее сегодня точно никакой. Йенна еле-еле набирает коротенькое сообщение начальнику («Чем-то отравилась, сегодня не смогу прийти») и сворачивается под одеялом в позе эмбриона. Засыпает она моментально.

Пробудившись от беспокойного сна, она понимает, что проспала пять часов. Кошмар! Это слишком долго. Йенна подбирает сумочку и туфли с пола, кое-как разглаживает свои жалкие шмотки и неуверенно пробирается к двери. Сейчас она увидит Ларса. Йенна проходит туалет и оказывается где-то наподобие лофта. Опустевшая чашечка из-под эспрессо сиротливо пристроилась на мраморной столешнице кухонного островка.

– Есть кто? – проверяет Йенна. Голос дрожит, во рту сухо и тухло. Повсюду тишина. Тихонечко урчит холодильник. Будь у Йенны возможность выбирать, она бы предпочла больше с Ларсом не пересекаться. Она бы просто сбежала отсюда в надежде на то, что ошметки воспоминаний о его старческих руках как можно быстрее выветрятся из головы. Йенна уже выработала стратегию поведения. Держаться невозмутимо, словно ничего и не было. Не закатывать истерик, не распускать сплетен по всему агентству. Сплетни рано или поздно ей же и навредят. И все-таки эту историю было бы неплохо завершить по-человечески, то есть встретиться с Ларсом и только потом уйти домой, навстречу бесконечному самокопанию и жалости к себе.

– Ларс?.. – очередная смелая попытка, на которую, впрочем, никто не откликается. Йенне хочется кофе, но она не знает, как работает эта мудреная эспрессо-машина. Взгромоздившись на барный табурет, она чувствует, как металл холодит бедра. Йенна скрещивает ноги и ждет. Несмотря на состояние, выглядит она вроде неплохо. Молодо, по крайней мере. Йенна распускает волосы и начинает пальцами распутывать колтуны – нужно на что-то отвлечься, пока Ларс не появится на кухне.

Вот бы узнать, чем они занимались ночью... но о таком же не спросишь в лоб. Йенна берет телефон. Ларсу можно было бы позвонить. Ускорить процесс. Йенна ищет номер Ларса на официальной странице «Фаер». Почему-то от вида сайта начинает потряхивать. Когда Элиас предложил ей стажировку в крутом агентстве, она была вне себя от счастья и светилась рабочим энтузиазмом, но на вчерашнюю-то вечеринку какая нелегкая ее понесла? Зачем она согласилась? Ей так запали в душу слова кузена о «связях и новых горизонтах»? Поначалу Йенна считала себя выше тех двух девиц: жалкие эскортницы, она-то тут деловые контакты устанавливает. А потом пошли первые дорожки. И как только порошок встретился со слизистой, Йенна решила посмотреть на ситуацию с иного ракурса. Она просто отпустила себя. Вот как все было. Теперь она вспомнила.

Йенна вздрагивает: телефон Ларса вибрирует где-то совсем близко. Прямо напротив мраморной столешницы. Йенна прерывает звонок. Где бы черти Ларса ни носили, телефон он с собой не взял. Йенна еще раз пытается до кого-нибудь докричаться, ответа по-прежнему нет, и она подкрадывается к телефону. На экране высвечивается пропущенный звонок с номера Йенны. На свой айфон Ларс даже блокировку поставить не удосужился – так по-стариковски. Йенна смотрит на иконку «Сообщения». А стоит ли? Она решает прочесть их как бы в отместку. Сообщений буквально парочка. Йенна осторожно оглядывается по сторонам. Ларса

все еще нет, и она осмеливается покопаться в телефоне еще чуть-чуть. 26.06.2019 в 18:06 Ларс получил картинку с неизвестного номера. Йенна рассматривает ее, но не вполне понимает, что конкретно изображено. Кости? Корона? Йенна закрывает сообщения, открывает галерею. И тут она цепенеет. На первых же фото – она сама, развалившаяся голышом на постели. Козлина чертов. Йенну тошнит. Выпитые ночью бокалы шампанского, стопки клюквенной водки, джин-тоник и мохито начинают проситься наружу. Один за другим в голове вспыхивают непрошенные образы. Дряблые Ларсовы руки, морщинистые веки, полупустой блистер с «Виагрой» в туалетном шкафчике. Фотографии с ней, сделанные без спроса. Йенна кладет телефон на стол, мчится в туалет и ждет, когда ее вырвет. Не выходит. Она лишь выхаркивает слюну и прозрачную слизь. Нормальная рвота сильно облегчила бы положение, но Йенна никогда не отважилась бы засунуть два пальца в рот.

Так, надо собраться. Она возвращается проверить, отправлялись ли эти фото кому-то еще. Нет. Она спешно все удаляет, ощущая, как вместе с тошнотой начинает накатывать ненависть.

– Скотина, – выплевывает Йенна в пустоту.

Возможно, своим исчезновением Ларс указывает Йенне на ее место. Ноль. В глазах Ларса Йенна – дешевка, ноль. С нулями и прощаться не надо.

– Да пошел ты, Ларс Сундин, – заявляет Йенна и направляется к входной двери.

Выйдя из квартиры, Йенна понимает, что находится в Суоменлинне. Она нажимает на гугл-карты и смотрит, как добраться до парома. Путь только один. Пошатываясь, она бредет вперед. Пальцы ноют, а туфли на высоченном каблуке еще и левую пятку натирают. Дорожный песок втягивает в себя шпильки. А впереди еще каменная мостовая. Несмотря на ветер, погода чудесная. Йенне приходит в голову снять туфли и прогуляться до парома босиком. Она оборачивается, смотрит на Ларсов дом, из которого вышла. На улице ни души. Куда бы Ларс ни запропастился, в офис он вряд ли пошел – без телефона-то. Йенну прошибает холодный пот при мысли о Ларсе и его пыхтении. Тайком сделанные фотографии только усугубили всю эту гадость, приправив ее каким-то липким страхом. Она надеется, что со временем от мерзких ощущений удастся отмыться. Ее почти трясет от злости. Может, как-то отомстить? Вот бы его вообще не существовало! Плетясь к парому с похмелья, Йенна даже представить себе не может, что ее желание очень скоро сбудется. Она больше никогда не увидит Ларса Сундина.

20 ИЮНЯ, ЧЕТВЕРГ, ХАРТОЛА

Саана не в состоянии встать с постели. Она вообще ничего не может делать, и это порядком раздражает. На столе грустит остывший кофе: она даже про него забыла. Саана берет телефон и открывает «Твиттер». Буквально одним глазком пробежится – и потом опять цифровой детокс. Весной она подписалась на полицейские новости. Это полезно не только для журнальщи, вечно охотящейся на свеженькое, но и для писательницы, которой важно зацепиться за что-то интересное, загореться идеей. В этом отношении ожидания пока не оправдывались. Хотя, положив руку на сердце, Саана чувствует, что толком ни во что и не вчитывалась.

СообщенияПресс-службыПолиции @PoliisiTiedote 20.6.2019

Бамперы всмятку, Центральная Финляндия

Бамперы всмятку? Обычно полиция как-то помягче выражается, удивляется Саана и отпивает немного кофе. Фу, совсем остыл. Тем не менее она делает еще глоток. Вот так простые люди узнают об авариях, о чьих-то трагедиях, думает Саана, возвращая чашку на стол.

Спустя неделю стало понятно, что заняться в Хартоле решительно нечем. И замечательно, этого-то она и хотела – чистой праздности в месте, где можно просто идилично

существовать и предаваться размышлениям. Однако сейчас, размышляя, Саана разочаровывается в себе, такой никчемной и ленивой. Она устраивается на 80-сантиметровой кровати в тетиной комнате для гостей и таращится на потолок. И мало-помалу, как бы ненароком, проваливается в безмятежный сон.

– Саана, просыпайся, – шепчет тетя Инкери и настойчиво ее тормошит. – Поверь, за столько дней сна ты уже оправилась и от похмелья, и от всех своих проблем. За семь, если быть точной. Сегодня действуем так: берем из амбара велосипеды и совершаем официальную велоэкскурсию по Хартоле, – говорит тетя и смеется, наблюдая детское недовольство на Саанином лице. Уже три часа дня. Тетя считает, что самое время выйти на какой-то активный диалог с Хартолой. Вспомнить, как Саана носилась тут летом. Погулять, размяться, поработать. Кто угодно закинет, если будет целыми днями вылеживаться. Тетя уверена, что Саана уже и сама скучает по физическому труду – просто стесняется в этом признаться. Так что Инкери все сама организует и устроит ей регулярный моцион. Нечего тут сидеть сиднем в четырех стенах, когда лето на дворе.

– Давай для начала отдохнем на садовых качелях, – продолжает убалтывать тетя, и Саана понемногу оживает. – Можем взять с собой немного винца. Как тебе такое? – Тетина рука ложится Саане на плечо.

– Да, отлично, – улыбается в ответ Саана, и тетя отправляется за бокалами. Инкери всегда знает, за какую веревочку потянуть. Наполнив вином два модернистских бокала Саары Хопеа⁸ на зеленой ножке, тетя ласково поглаживает Саану по щеке.

– Какое счастье, что ты здесь, – говорит она.

– Какое счастье приехать сюда, – отвечает Саана. Тетина рука приятно холодит щеку и странным образом успокаивает.

– Дела-то твои как? – спрашивает тетя.

– В целом неплохо, – отвечает Саана. – Увольнение было неожиданным, но это и к лучшему, наверное, что все так сложилось. Можно немного передохнуть. Последние пару лет я пахала как заведенная. В свободное время удавалось разве что на улицу выйти, глотнуть воздуха, – признается Саана и отпивает немного вина. В меру прохладное, в меру сухое – оно идеально.

– Как на личном фронте? – лукаво поглядывая, интересуется тетя.

– Никак, – говорит Саана. – Я со всех точек зрения сложный случай, – она смеется и поднимает бокал: за стабильность.

– Знаешь, это еще как посмотреть. Иной раз выбрать уединение куда мудрее, чем терпеть кого-то рядом, лишь бы этот кто-то был. Конечно, это не каждому под силу, тут смелость нужна, – говорит тетя, подливая обеим еще вина. – Но если чему меня жизнь и научила, так это тому, что, когда встречаешь своего человека, сразу перестаешь гадать и сомневаться. Тебе просто все ясно как божий день, – говорит тетя. Они любуются двором, уютно устроившись на садовых качелях. – Видимо, твой человек еще где-то бродит.

Саане нравится такой ход мыслей, она отталкивается от земли, чтобы сильнее раскачаться. Цветут тетины летние розы, спутницы Юханнуса⁹. *Rosa pimpinellifolia*. Будь воля Сааны, просидела бы весь вечер вот так, на качелях, разглядывая розовые кустики.

– А у тебя был такой человек, чтоб все ясно как божий день? – спрашивает Саана и хитро подмигивает тете.

Взгляд Инкери бесцельно блуждает по двору, пока она не переводит его обратно на бокал. Спустя мгновение, неожиданно для Сааны, тетя отвечает:

⁸ Саара Хопеа (1925–1984) – известный финский дизайнер предметов интерьера, ювелирных изделий и предметов из стекла.

⁹ Юханнус (Juhannus), *рус.* Иванов день – день летнего солнцестояния, отмечается в субботу в период с 20 по 26 июня. Общегосударственный праздник в Финляндии, так называемое «летнее Рождество».

– Была парочка таких, но ничего толкового в итоге не вышло.

Под вечер Саана и тетя, окутанные легким хмельком, решили прокатиться на велосипедах по песчаным дорожкам Хартолы. Саана едет на стареньком тетином привете из девяностых, а Инкери – на новом «Кресценте». В детстве Саана приезжала в Хартолу на летних каникулах, но тетя считает, что именно сейчас настало время познакомиться с этим местом по-человечески. Посмотреть на все глазами взрослого, погрузившись в пейзажи прошлого.

– В детстве ты часами на нее глазела, не оторвать было, – тетя делает глоток, указывая на краснеющую вдалеке ветряную мельницу. – А вон салон Майлы Талвио¹⁰ – самая настоящая достопримечательность Хартолы, – улыбается тетя.

Саана едва успевает смотреть по сторонам. Взрослой она тоже тут бывала, но проездом, вечно спешила, – ничего не замечала. В тетиной гостевой комнатке на верхнем этаже она залечивала сном то стресс, то накатившую печаль. Думала, что в Хартоле и глянуть-то не на что. Наверное, тогда она была по-своему права.

– Оттуда поедem вниз. Посмотрим, получится ли вырулить на приусадебный дворик, – там все равно в такое время никого нет, – с блеском в глазах выкрикивает тетя и ускоряется. Саана смеется ее авантюрному настрою и тоже налегает на педали. Как же хорошо просто ехать на велике по хартольским проселочным дорожкам! Ветхая ветряная мельница, живописные окрестности усадьбы и благоухание свежескошенной травы.

Они въезжают на внутренний приусадебный двор. Там растут шикарные исполинские сосны. Саана никогда таких не видела. Газон стрижен, и вообще заметно, что за участком ухаживают.

– Усадьба Коскипя. Думаю, уж ее-то ты помнишь с детства, – говорит тетя, а Саана с любопытством оглядывает окрестности. Даже воздух кажется здесь каким-то знакомым, но в то же время пейзажи глядят на нее настороженно, будто чужаками. Наверное, бывала тут с мамой. – Главный дом, тот зеленый, построен в 1820-х годах, когда это были владения рода Тандефельтов. В 1850-х усадьба перешла к роду фон Гердтен, – рассказывает тетя.

Саана любит зеленую усадьбу, ее крыльцом с массивными колоннами, красными дворовыми постройками. Ее приводят в восторг и пушистые папоротники, и яблони, и домик заведующего музеем. Даже выцветшая и потрескавшаяся зеленая краска на двери. Ей всегда нравились обветшалые двери.

– В семидесятых в дом Ванха-Коскипя переехал мужчина, его называли Бароном, – сообщает тетя, указывая на желтый дом, что поближе к речке. – Последний из рода фон Райхманнов. «Интерьер главного здания усадьбы наглядно демонстрирует быт восточно-хяменских аристократов XIX века», – тетю не остановить. – Так написано на странице Музея Восточного Хяме. Во мне умирает отличный экскурсовод, скажи? – хихикает тетя, и Саана энергично кивает. Тетя – лучшая.

– На самом деле здесь отличный гид, – с жаром уверяет тетя. – Обязательно сходи на экскурсию, потом еще спасибо скажешь.

Саана жадно оглядывается по сторонам. Старинные усадьбы и дворики рожают в ней необъяснимую тягу к свободе. Как было бы здорово провести беззаботное лето в поместье, целыми днями дефилируя по участку в широкополой шляпе... А что, если эта деревушка снова оживет для Сааны, засияет, как в детстве?

Они оставляют велосипеды на внутреннем дворе усадьбы Коскипя и отправляются вниз по склону к лениво перекатывающемуся речному порогу. Поток поглаживают серебристые ивы, на берегу мирно пасутся домики и парочка пирсов. Чуть поодаль Саана замечает подвесной мост. Неужели она когда-то перебежала по нему на другую сторону? Из-за водорослей

¹⁰ Майла Талвио (1871–1951) – известная финская писательница и драматург.

и водяных линий к берегу не подступиться. Ну, по мосту так по мосту. Пройдя между двух каменных столбов-ворот, Саана ступает на жалобно поскрипывающие подвесные дощечки.

– Прислушайся, – шепотом просит тетя, и они на минутку замирают на середине моста. Стоят, не шелохнувшись. Повсюду тишина. Постепенно проступают едва различимые отзвуки. Кукушка кукует где-то вдалеке. Нежно журчит поток. Воркуют дрозды. Мошка попискивает у самого уха. Дорожное эхо, рваный ритм проезжающих мимо машин. Саана опирается на веревочку и пытается разглядеть усадьбу за деревьями. Уже начинают опускаться сумерки, но пока неспешно, словно робея. Прохладная дымка стелется по воде, и в воздухе разливаются влажные ароматы трав и древесины. Восхитительно. Они молчат. Распустившиеся водяные лилии празднично украшают берег. Чуть ниже по реке у самой воды поблескивает одинокий белый цветок.

– Видишь его? – спрашивает Саана, указывая на цветок. Он прямо сияет на темном фоне. – Это такая лилия?

– Это калла, – тихо отвечает тетя. – Они тут не растут.

В глазах Сааны застывает вопрос.

– Тогда как она тут оказалась?

– Время от времени появляется рядом с речным порогом.

– Появляется? – спрашивает Саана, рассматривая белый цветок.

– Калла – подарок маленькой заблудшей душе, – продолжает тетя.

Теперь и Саане хорошо видно, что цветок ниоткуда не растет: кто-то аккуратно приставил его к береговому камню.

– Милая Хелена, – задумчиво произносит тетя, глядя на водные завихрения, темные и такие живые.

– Хелена? – Саана вся внимание.

– Да, та, что однажды была найдена мертвой в этих самых водах.

Экскурсию по Хартоле решено было завершить в одном местном заведении, хотя это был четверг накануне Юханнуса.

– Ну и дыра, – невольно вырывается у Сааны, когда они заходят внутрь.

– Ну, спасибо на добром слове, – вырастает из ниоткуда бармен, и Саане хочется сквозь землю провалиться. Ее слова предназначались для тетиных ушей, и ничьих иных.

Они берут себе напитки со льдом и пропихиваются к старенькому кожаному дивану в самом конце бара.

– Что может быть лучше освежающего летнего коктейля? – говорит Саана, и две кружки победно поднимаются в воздух.

– Точно, – смеется тетя и немного отхлебывает.

Льдинки позвякивают друг о друга в своей стеклянной тюрьме. Саана разрисовывает пальцем запотевшие бока кружки. Вечером они с тетей то и дело обсуждали рабочие авралы, увольнение и зародившуюся от всего этого хандру. Говорили о том, как работа в СМИ подчинила себе мысли Сааны и ее силы, задавила ее творческое начало.

– Иной раз я в ужасе от того, что понятия не имею, чем занималась бы. Жизнь будто обходит меня стороной: люди учатся, встречаются с кем-то, женятся, нянчат детей, ходят на любимую работу, копят какие-то баллы, берут кредиты, оформляют страховки, – в ужасе перечисляет Саана.

– Понятно, ну а ты?

– А у меня по жизни ни то ни се. На уме одна работа, где сплошной стресс – и было бы от чего! Фигня же всякая, по сути. Еще я ем пищу – или мечтаю о ней, – невесело смеется Саана.

– Тебя послушать, так все просто обязаны проживать похожие друг на друга, усредненные жизни. Вот я, например, живу в свое удовольствие. Важно ощущать контроль. Ты контролируешь свою жизнь? – спрашивает тетя, вертя в руках кружку с коктейлем.

– Ну... – задумывается Саана и впадает в какое-то интеллектуальное оцепенение. Как безвольная амеба.

– Будешь бегать от ответственности, начнешь плыть по течению – тут же превратишься в пассивного наблюдателя, ротозея какого-то, – говорит тетя, глядя прямо перед собой. – Никогда не пускай все на самотек.

Огромное спасибо, дорогая Инкери. Мой список поводов для самоедства был бы неполон без строки «безответственность», думает Саана.

– И что, ты счастлива? – спрашивает она тетю. Саана то и дело возвращалась мыслями к жизни, которую тетя выбрала добровольно: ни детей, ни мужа – только творчество, садоводство, книги и путешествия.

– Само собой, – тетя не сомневается. – Моя жизнь – осознанный выбор. Я благодарна за каждый ее день, – уверенно подытоживает тетя, вызывая недоверчивый взгляд Сааны. Вот так просто? Взять и сказать кому-то, что ты счастлива?

– Наверное, мне сложно понять, к чему стоит стремиться. Сейчас слишком много возможностей, они парализуют меня, как буриданова осла, понимаешь? – объясняет Саана, краем глаза наблюдая за двумя местными старушенциями, буквально источающими флюиды любопытства.

– Какие твои годы, – задорно восклицает тетя, поднимая кружку. – Поприветствуем это лето! Оно прекрасно уже потому, что здесь моя любимая племянница.

Саана согласно кивает и проникается к тете еще большей теплотой. Уж если и есть за что благодарить жизнь, то однозначно за Инкери.

– А что насчет той девушки, что умерла в реке? – спрашивает Саана после короткого молчания: обе на минутку задумались.

– Вот уж действительно печальная история, – отвечает тетя. – Ты тогда совсем кроха была, так что дело давнее.

– Что случилось?

– Подожди-ка, схожу сначала за добавкой, – говорит тетя и удаляется к барной стойке.

– Тридцать лет уже прошло. Тело Хелены выловили из Тайнионвирты, неподалеку от подвесного моста, – рассказывает тетя по возвращении с двумя полными кружками.

– Что именно тогда произошло? – продолжает расспрашивать Саана, но тетя лишь пожимает плечами и отпивает немного коктейля. – И калла. Кто-то же регулярно приносит ее к речному порогу, – размышляет Саана. – Красивый жест, – в задумчивости произносит она и делает несколько глотков кряду.

– Этот случай теперь в подкорке у каждого хартольца, – произносит тетя и гневно зыркает на любопытных старушенций, греющих свой наблюдательный пост в углу бара. – Племянница моя, – громко сообщает им тетя, указывая пальцем на Саану. Старушки сразу тушуются, отворачиваются и прикидываются мебелью.

– Внезапную смерть такой девчушки невозможно забыть, – говорит тетя.

– Что тогда случилось-то? – в который раз интересуется Саана. Напиток уже не кажется таким вкусным: внимание поглощено историей.

– Не знаю, полиция так ничего и не нашла. Дескать, улики недостаточно. Оно и понятно: Хелену нашли в речном пороге – ясное дело, тут либо несчастный случай, либо самоубийство. Вот как рассуждала полиция. Хотя по деревне всякие слухи ходили.

– Какие слухи? – Саана ловит себя на том, что губами проговаривает каждое тетино предложение.

– Ну а какие тут могут быть. Мол, не могла Хелена себя убить, не такая была и несчастной не выглядела. Хелена, наоборот, по жизни всех заражала радостью. И вдруг – такое. Что-то во всем этом было нечисто.

Глаза Сааны постепенно округляются.

– Но нельзя забывать, что деревушки типа нашей всегда полны пересудов, – шепчет тетя, кивая на столик со старушенциями. – Вон те две, например. Одна у них забота – остальным косточки перемывать, будто у самих в жизни ничего не происходит. И, знаешь, их можно понять. Тут ведь тишь да гладь. Той Хартолы-то – деревушка! Хотя нет, подожди, *королевская община* – руководство решило, что этому месту надобно зваться так, – важно произносит тетя. Саана еще долго обдумывает ее слова.

Следующим утром, в канун Юханнуса, Саана подскакивает ни свет ни заря – впервые за все время в Хартоле. Мысли о мертвой девушке не выходят из головы. Несмотря на короткий и беспокойный сон, Саана бодро шагает на кухню, где обнаруживает тетю, увлеченно читающую газету с чашечкой чая в руке.

– Я тут подумала... а что, если покопаться в этом деле? Заняться смертью девушки, – говорит Саана, поочередно открывая шкафчики в поисках кофе и фильтров.

Тетя отрывает взгляд от газеты и улыбается. Саана вышла наконец из своей спячки – какое облегчение.

– О, ты выписываешь «Хесари»¹¹? – удивляется Саана, различая в руках у тети знакомый шрифт.

– Крестьяне должны быть в курсе господских дел, – смеется тетя. – Кофе – вторая дверца справа.

Саана наблюдает за флегматично капающим кофе, облокотившись на кухонный шкафчик. Аромат постепенно пропитывает всю комнату.

– В конце августа как раз тридцать лет будет с того случая, – вдруг произносит тетя и переворачивает страницу.

Саана вздрагивает, будто очнувшись. Ее пронизывает ощущение того, что это – начало чего-то большего. Может ли чья-то смерть подарить Саане новую жизнь?

– Хелену нашли на исходе лета. Помню, что все ягоды с кустов к тому моменту собрала. Тебе было не больше пары годиков.

Саана дожидается последней кофейной капли. С каждой минутой намерение крепнет, наливается силами. Это – отправная точка. То, от чего нужно отталкиваться. Загадочная смерть девушки.

Я

Я наблюдаю за тем, как раскаленное железо давит на мягкое, дрожащее мясо. Приглушенное шипение чем-то напоминает звук спички, потушенной в струе воды. Когда жар доделывает начатое, я в последний раз смотрю в глаза этому мужчине: он отчаянно ищет спасения в чем-то. В смирении? В раскаянии? В мольбе, панике, прощении? Он тонет в невозможности осознать происходящее, он сдаётся и скоро будет поглощен унынием. Или он уже догадался? Неужели и правда понял, что на сей раз милости он не дожидается? Что настало наконец время платить по счетам. Что ему предстоит посмотреть в лицо смерти... Его апатия несколько разочаровывает. Как-то все слишком легко. Он мог бы яростно брыкаться, или ползать тут на коленях, или до последнего все отрицать. Мог бы безуспешно со мной торговаться или биться

¹¹ «Хесари» – разговорный вариант названия «Хельсингин Саномат» (Helsingin Sanomat). Крупнейшая ежедневная газета Финляндии. Издается с 1889 г. (с нынешним названием – с 1905 г.).

в агонии. Но нет, ничего подобного. Поглощенный безнадежностью, он тихо ждет. Он точно знает, что попал на Страшный суд. И что он виновен. Я погружаю его голову под воду и смотрю, как начинаются судороги. Мои руки топят человека, а в голове не смолкает внутренний диалог. Ну и каково мне? Убивать кого-то – какие ощущения? Смотреть на чьи-то последние вздохи, выбивать дух из чужого тела – как это? А главное, каково это – возомнить себя Богом, устроить над кем-то суд и не шадить его? Судороги усиливаются и внезапно прекращаются. И как? Да никак. И в высшей степени правильно. Вот как.

27 ИЮНЯ, ЧЕТВЕРГ, СУОМЕНЛИННА

На улице ветрено – как и всегда, – но сегодняшнюю погоду не сравнить с тем кошмаром, что царил здесь неделю назад; есть робкая надежда на долгожданную жару. Деревья покачиваются, борясь с порывами ветра, однако воинственный настрой Айно и ее пса не под силу сбить никаким катаклизмам. Захваченные бризом волосы так и лезут в глаза, Айно привычным жестом их убирает. Каждое утро в одно и то же время она бежит по одному и тому же маршруту. Булыжная мостовая, песчаная тропа, скала, газон, песок и опять булыжная мостовая. По пути Айно дает Крамеру возможность обстоятельно все обнюхивать и с достоинством помечать территорию. Они по привычке направляются в самый тихий конец острова, к Королевским воротам.

Возведенная между морем и островом стена по-родительски пытается защитить жителей от ветра, вьюг и непрощенных гостей. Сейчас история острова ощущается чем-то бесконечно далеким. Айно тянет Крамера за поводок, чтобы далеко не убежал, и они останавливаются у проема в каменной стене. Это одновременно и окно, и дверь: через проем можно попасть на скалы, к самому берегу, и сойти с тропы, истоптанной толпами туристов. Айно просовывается на другую сторону. Лицо тут же обдает соленым воздухом, это даже успокаивает. Айно по душе ранние часы, когда на улице еще никого нет и кажется, будто весь остров в их с Крамером распоряжении. Ей нравится порядок, в котором действия следуют один за другим так, что не нужно даже думать о них. Это избавляет от необходимости принимать мелкие решения. Пиццерия еще закрыта. На подходе к Королевским воротам Крамер вдруг заливается лаем и бешено тянет поводок вперед. Айно нехотя поддается и идет за псом, утихомиривая его пыл: Крамер – вперед, Айно – назад. Ошейник передавливает гортань, и из пасти Крамера вырывается невнятный скулеж. Да что с ним такое?

У самых ворот Крамер останавливается и начинает беспокойно топтаться. Лапы дрожат от возбуждения. Айно подходит ближе, максимально укорачивая поводок, и тут же замечает: что-то не так. Великолепная набережная, ухоженный газон, каменный памятник, железные цепи, ступеньки, мерное покачивание волн, пронизывающий ветер. Однако в центре этой гипнотически привычной композиции появилось нечто инородное, кричащее, захватившее внимание и Крамера, и Айно. Она смотрит вниз на ворота, едва удерживая беснующегося пса. На камнях что-то лежит. Кто-то. Будто чей-то труп. Айно сразу интуитивно понимает, что человек мертв. В его позе есть нечто неестественное, даже постановочное. Может, спуститься по лестнице и проверить пульс? Айно в растерянности. Она опускается на корточки почесать Крамера за ухом и кричит фигуре внизу:

– Эй, вы там как?

Она чувствует себя глупо: понятно же, что ответа не последует. Человек внизу – мертвее не бывает. Крамер подскуливает, а у Айно в душе смешались отрицание, отвращение, страх и печаль – она понятия не имеет, что делать.

– Помогите! – решается она, но голос тонет в порыве ветра. Да и кого можно встретить у Королевских ворот в такой час? Айно нащупывает в кармане телефон и неуверенно оглядывается. Скоро семь утра.

– Помогите! – снова кричит Айно, ее голос дрожит. Она вдруг кажется себе трусихой, маленькой слабой девочкой. Даже с голосом не может совладать. Трясущимися руками она кое-как набирает на телефоне 112. Задержав дыхание, Айно ждет того, на кого можно будет переложить ответственность за весь этот ужас.

27 ИЮНЯ, ЧЕТВЕРГ, ХЕЛЬСИНКИ

Ян наливает себе немного офисного кофе. Старенькая кофеварка делает напиток горьким, еще чуть-чуть – и будет невозможно пить. И все же Ян хлещет эту горечь литрами. Время мучительно тянется, Ян несколько раз ловит себя на зыбкой секундной дреме, несмотря на то что на зеленом офисном диване он сидит с нарочито бодрым видом. Его гложет ожидание – подспудное, непостижимое. Он отхлебывает кофе, морщится и думает о маме. Теоретически он сам может умереть в любой момент, на дежурстве например, но маме сказали заранее, прямым текстом: несколько недель, на месяцы лучше не рассчитывать. Это расставило все по своим местам. С того момента Яну плохо везде, где бы он ни находился. Но на работе все же легче, чем дома в одиночестве. Ночное дежурство выдалось спокойным, а дома он в любом случае не заснул бы. В последнее время Ян слишком часто подсакивал ни свет ни заря, в самое тихое время ночи – в час волка. Для беспокойных душ этот утренний момент поистине невыносим.

Ян встает вылить остатки жуткого кофе в раковину – и звонит телефон. Это Мертанен, главный инспектор уголовного розыска и непосредственный начальник Яна.

– Труп мужчины у Суоменлинны, – сразу переходит к делу Мертанен, и Ян моментально просыпается.

– Убийство явно непростое, жертву оставили на виду, тут возможна какая-то ритуальная подоплека. Я хочу, чтобы ты вел это дело с самого начала. Люди из хельсинкского убийного отдела и криминалисты будут на месте первыми, но я попрошу, чтобы дело передали нам. Короче, советую морально подготовиться к расследованию.

Слушая о том, что известно на данный момент, Ян наблюдает за парковкой. Четверг как четверг. Для кого-то – лишь многообещающий кивок в сторону выходных, выход на финишную прямую. Для сменщиков это просто безликий день в массе таких же. Еще полчаса назад голова Яна была забита мыслями о предстоящей утрате, но вот на сцену врывается Дело – и вытаскивает буксующего Яна из бесконечной трясины. Дело, которое уже сейчас сильно волнует тихого и угрюмого Мертанена. Ян записывает всю необходимую информацию и наконец выливает остывшую кофейную жижу в раковину.

Подводный туннель между крепостью Суоменлинна и материком всегда открыт для полиции и карет скорой помощи. Эксперты-криминалисты уже на месте, Королевские ворота и прилегающие территории оцеплены сигнальной лентой. Ян осторожно, фиксируя все вокруг, продвигается к месту. Криминалисты фотографируют детали участка, где нашли тело, и вспышки их камер тонут в ослепляющем летнем утре. В небе, словно огромное насекомое, шумит дрон: снимает общий план. Ян пытается запомнить все, что видит. Суоменлинна. Королевские ворота. Труп. Убийство. Свидетелей нет. Жертва пока не опознана.

Ян поднимает ленту и ступает на огражденную территорию. Тело он замечает сразу. Увидев Яна, криминалисты в белых халатах замирают. Убийный отдел Хельсинки уже начал расследование, но если здесь Ян, то дело, видимо, перешло к центральной криминальной полиции. Молчаливые пары глаз вопросительно смотрят на следователя, а тот – на пустоту перед собой. Они обязаны предоставить Яну необходимые сведения.

Убийство. Ян оглядывается вокруг. Гражданских нигде нет. Похоже, пустынная и ветреная Суоменлинна решила сегодня поспать подольше. Летняя туристическая истерика еще

не началась. Ян не спеша осматривает скалы и зеленый остров на противоположной стороне. Должно быть, Валлисаари. Вдруг чья-то рука ложится Яну на плечо.

– Приветик. – О, этот голос ни с чьим не спутаешь.

– Хейди Нурми, – отвечает Ян и только потом оборачивается.

Хейди – детектив, с которой Ян знаком уже сто лет, – прибыла на место раньше. Ян делает вид, что в курсе. Мертанен не удосужился рассказать ему даже об этом.

– Мужчина, личность пока не установлена. Около шестидесяти лет, точные данные будут позже, – сообщает Хейди. – Нужно побеседовать с женщиной, нашедшей тело.

Ян кивает.

– Что о ней известно?

– Местная, выгуливала собаку. Тут есть имя, сейчас... Айно Ниеминен. Сидит наверху, около пиццерии, ждет, когда ее уже допросят и отправят домой. Хорошо бы тут немного поработать, пока есть с чем, – говорит Хейди, выразительно глядя на коллегу.

Ян помалкивает, сказать пока особо нечего. Он рад, что здесь с ним именно Хейди. Они знакомы со времен учебы, у Хейди невероятно острый ум.

Хейди уходит подальше от Королевских ворот, чтобы поговорить с Айно. Ян приглядывается к берегу и оценивает расстояния. Коллеги понимающе кивают ему, давая полную свободу действий. Полицейская лента беспокойно развеивается на ветру. То и дело ее приподнимают, двигаясь очень осторожно: всем понятно, что незначительные отметины, какие-то мелкие нестыковки и следы должны оставаться нетронутыми. Движение у Королевских ворот и на прилегающих территориях не может замереть, пока тут всё не прочешут вдоль и поперек.

– Что-нибудь указывает на личность жертвы? – спрашивает Ян у ближайшего криминалиста в защитном халате. – Лейно, ЦКП¹², – уточняет он, хотя тут все и так в курсе. Ян уже привык к тому, как очевидно в глазах обывателей его молодое лицо не вяжется с образом детектива из убийного отдела. Но едва ли в этом мире хоть о чем-то стоит судить по внешнему виду.

– Лампи, – представляется мужчина и протягивает Яну руку. – Какое-то темное дело, как ни посмотри, – продолжает он, неуверенно махнув в сторону трупа. – Очень уж все четко сработано, чистенько. У жертвы при себе ни телефона, ни бумажника – ничего из того, что помогло бы установить личность прямо на месте. Сейчас составляют список пропавших. Может, там найдется кто-то подходящий. – Мужчина замолкает.

Яну жаль и умершего, и женщину, случайно обнаружившую труп. Когда его отдел вызывают на место преступления, всегда находится так много тех, кого нужно пожалеть.

– Здравствуйте, Айно, – говорит Хейди, энергично протягивая руку женщине с заплаканным лицом. – Это же вы нашли его? – спрашивает она, хотя ответ, конечно, известен.

Женщина кивает и наклоняется почесать пса, который крутится у ног и все никак не уgomонится.

– Жаль, что так вышло. Если захотите поговорить об этом, я после нашей беседы дам вам контакты одного кризисного терапевта. Это поможет, – уверяет Хейди, и женщина снова кивает.

– В котором часу вы были на пробежке?

– Мы были тут где-то в районе половины седьмого, чуть позже, – отвечает женщина, беспокойными рывками притягивая к себе пса за поводок.

Хейди не знает, что это за порода. Ее вообще никогда не заботили домашние питомцы.

– Может, вам что-то бросилось в глаза? Люди, лодки – что угодно? – спрашивает Хейди, выжидающе глядя на женщину. Нежная блондинка в длинном шерстяном кардигане и полубо-

¹² Центральная криминальная полиция Финляндии. Прим. ред.

тинках. Так могла бы выглядеть учительница или художница. Она отрицательно качает головой.

– Как долго вы здесь живете?

– Уже почти двадцать лет, – улыбается женщина, и Хейди с облегчением замечает какую-то искру во взгляде.

– Потрясающее место, – соглашается Хейди. Немногим удастся пожить в квартирах крепости. – Если бы кто-то приплыл сюда на лодке, то откуда, как думаете? Вы же местная, просто предположите, – просит Хейди и терпеливо дожидается ответа.

– Я бы в той стороне у кого-нибудь поспрашивала, – говорит женщина, указывая на остров Кустаанмиекка. – Там никто не живет, но есть тропинка вдоль утеса.

– Спасибо вам, на этом все. Идите домой и отдохните как следует, – говорит Хейди, и женщина тихонько кивает. – Пожалуйста, свяжитесь с нами, если еще что-то вспомните.

Допросив свидетельницу, Хейди отправилась напрямик к месту, где был найден мужчина. И вот они уже вместе с Яном разглядывают труп.

За год на плечи убойного отдела ложится свыше тысячи дел, наиболее тяжелые и запутанные из которых в последнее время постоянно оказываются на столе у Хейди. Вид мертвого тела уже не вызывает никаких эмоций. Хейди по-настоящему страшно лишь при мысли о том, что бесчисленные повторения одного и того же смогли приучить ее к чему-то настолько ужасному. И хотя от самих трупов тошнит далеко не всегда, от обстоятельств смерти кровь стынет в жилах каждый раз. Сейчас Хейди уже не скажет, каким по счету было первое тело, на которое она вдруг никак не отреагировала, от которого сразу «дистанцировалась». Может, это был тот надвое распиленный мужчина пять лет назад? Или кто-то из оставивших свои мозги на лужайке после выстрела из ружья? Все это по-настоящему чудовищно, и регулярные встречи со смертью заставили Хейди ценить жизнь еще сильнее.

Хейди склоняется над трупом, чтобы рассмотреть поближе. Ссадины на шее и запястьях. Причина смерти до сих пор не установлена. По отметинам можно предположить, что мужчина утонул.

– Что скажешь? – обращается к Яну Хейди, не глядя на него.

– Пока ничего, – задумчиво отвечает Ян, продолжая осмотр.

Хейди вздрагивает от холода. Такой ветрюган этой курточке не по зубам. Хейди уже узнает это лицо: Ян начинает новое следствие. Не спешит с выводами, смотрит перед собой – будто бесцельно. Но его голова фиксирует абсолютно все.

Насильственная смерть всегда противоестественна. Она нарушает гармонию, врывается в заведенный природой порядок. Ян смотрит на море – и снова на тело. Прибыв на место преступления, он всегда стремится ухватить общую атмосферу.

Ян склоняется над трупом. В застывшем выражении мертвого лица ничто не указывает на то, насколько ужасен был конец. Яну известна первая версия – утопление. Конечно, они на побережье, вот только обувь и одежда жертвы совершенно сухие и чистые. Мужчину, очевидно, утопили, но перед смертью с ним явно случилось что-то еще. Ян просит криминалистов тщательно осмотреть самый край воды, каменную стену и находящиеся в ней многочисленные полости.

Ян бросает взгляд на телефон. Снова думает о маме и о том, что очень скоро она позвонит ему в последний раз. Позвонит, и все, дальше – тишина. Эти мысли тут же уносят его далеко от утренних событий. Все будто бы происходило сквозь густой туман. Ян взмахивает рукой, точно рассеивая дымчатую пелену, чтобы сквозь нее взглянуть в покрытые травой скалы, массивные цепи и едва уловимое движение воды.

На глубине, вероятно, лютуют течения, и воде не до мертвецов: она выталкивает их вверх, делая удивительно легкими. Реши убийца утопить мужчину в море, на поверхности плавали

бы травинки. Заметая следы, пришлось бы попотеть, но в данном случае это несложно. Раз тело лежит у всех на виду, тут два варианта: либо его хотели всем продемонстрировать, либо на меры предосторожности не хватило времени. Ян размышляет о том, был ли мужчина найден раньше, чем планировал убийца. Нужно учитывать и то, что труп могли доставить к Королевским воротам на лодке. В любом случае место специфическое. Оплошность? К тому моменту мужчина был мертв совсем недолго – буквально пару часов. Или место выбрано намеренно? Вдруг оно должно о чем-то сообщить? Хотели бы просто избавиться от тела – привязали бы груз и опустили в море, места-то предостаточно. «Брошенное в воду тело всплывет на поверхность. Если нужно утопить труп с концами, потребуется утяжелитель». Ян вспоминает, как им это рассказывали на учебе. Тогда подобные слова казались выдернутыми из мафиозных диалогов, а сейчас они просто имеют смысл и поражают своей обыденностью.

Хейди и Ян осматривают местность, не говоря ни слова. Две бледные фигуры, прекрасно осознающие: сегодня все опять начинается заново. Они прикидывают расстояния, ищут зацепки и пытаются понять, с какой стороны на место прибыл преступник.

– Похоже, нам везет. Смотри, какие люди, – прерывает Хейди свои размышления и украдкой кивает в сторону появившегося вдалеке мужчины. Ари Йоки. Лучший судмедэксперт из всех, с кем они знакомы. Дайвер – так его за глаза давным-давно прозвали следователи из убойного отдела. ЦКП невероятно повезло, что тихий гений вроде Йоки по какой-то удивительной причине решил помогать полиции, а не блистать в среде хирургов. Впрочем, появление Дайвера не сулит ничего хорошего и обычно указывает на исключительную жестокость убийцы.

– Время и причина смерти? – сразу спрашивает Ян у Дайвера, как только тот подходит к телу. Ян старается выражаться лаконично, потому как поток лишних слов выводит Дайвера из себя.

– Приди я пораньше – и вас бы не вызвали. Поверьте, – отвечает Йоки в своей манере, крайне довольный произведенным эффектом, и с задумчивым видом склоняется над трупом.

Ян невольно сравнивает Йоки с грифом. Падальщик, в мгновение ока определяющий причину смерти. Он и в самом деле смахивает на грифа: лысая, какая-то птичья голова на тонкой длинной шее. Болезненно острый, рельефный кадык на каждом слове скользит вверх и вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.